

La tradition orale. Problématique et méthodologie des sources de l'histoire africaine. Edité par Diouldé Laya. Centre Régional de documentation pour la tradition orale. Niamey — Niger, 1972, 197 p.

В исторических исследованиях африканистов уже давно используется устная традиция африканских народов. Так, при воссоздании средневековой истории Судана широко оперировали данными исторического предания мандеязычных народов французские ученые М. Делафосс и Ш. Монтей; нигерийские историки С. Джонсон и С. Биобаку строили свои концепции истории народа йоруба в значительной степени на материале йорубских исторических преданий; анализ хаусанских преданий позволил Д. А. Ольдерогге прийти к интересным выводам о происхождении народа хауса и его культуры. Однако в последние полтора десятилетия интерес как африканских исследователей, так и их коллег из других стран мира к устной исторической традиции народов континента резко возрос. В особенности это проявилось после принятия в 1964 г. XIII годичной сессией ЮНЕСКО резолюции об издании многотомной международной «Всеобщей истории Африки». Именно на этом этапе стала совершенно очевидной необходимость, во-первых, какой-то координации разрозненных работ по сбору и изучению исторических преданий и, во-вторых, выработки общего подхода к последним, общих критериев их оценки и использования в качестве исторического источника. ЮНЕСКО и научные учреждения ряда стран Африки посвятили этим проблемам специальные совещания экспертов в Ниамее (1967 г.) и в Уагадугу (1968 г.).

Рецензируемая книга содержит основные материалы этих двух совещаний. «Настоящая работа, — пишет во введении редактор книги, нигерский ученый Диульде Лайя, — составлена на основании документов, подготовленных для совещаний в Ниамее и Уагадугу или же выработанных на них» (стр. 15). Как отмечает далее Д. Лайя, непросто было осуществить уже сам отбор документов для публикации, поскольку разнообразие представленных на обоих совещаниях материалов отражало и реально существующее разнообразие типов преданий. Тем не менее такой отбор был проделан, и сборник материалов обоих совещаний стал первым изданием Регионального центра документации по устной традиции (CRDTO), организованного в Ниамее по рекомендации совещания 1967 г.

Рассмотрение книги целесообразно начать с последней, четвертой главы, «Избранные доклады», в особенности с ее первого раздела, озаглавленного «Проблематика и методология изучения устной традиции» (стр. 95—136). Здесь сосредоточены работы, основные тезисы и методологические посылки которых легли в основу решений совещания в Уагадугу. И здесь же четко отразились сильные и слабые стороны подхода большинства африканских исследователей к изучению доколониального прошлого их континента. К сожалению, только в трех из шести напечатанных в этом разделе докладов более или менее пространно изложены точки зрения их авторов. Остальные же представляют скорее тезисы, хотя в них и затронуты интересные и важные вопросы, например оценка некоторых специфических видов устной традиции (Б. Соме «Некоторые источники информации для исторического исследования», стр. 115—122) или характеристика ее существенных особенностей, в частности ее локально ограниченно-го, статичного и этноцентрического характера (Р. Пажар «Размышления об историческом исследовании в Западной Африке», стр. 123—125).

Доклад видного вольтийского историка Ж. Ки-Зербо «Устная традиция как источник по африканской истории», имеющий программный характер, служит как бы общей «декларацией принципов» подхода к изучению исторических преданий, разделяемых ныне большинством африканских историков (стр. 96—112).

Вольтийский ученый начинает свое выступление с решительных возражений против попыток некоторых западных авторов объявить доколониальную историю африканских народов недоступной для исследования из-за скудости фонда письменных источников. Эту позицию он определяет словами: «Нет письменных документов — нет и африканской истории!». Но, продолжает Ки-Зербо, этих документов не так уж и мало; скорее можно говорить, что они очень неравномерно распределены географически, да к тому же далеко не все уже выявлены и собраны. И даже если бы все они были уже известны, то и тогда картина была бы неполной. Ибо речь должна идти об истории «многостоичниковой» (poly-sources), ведь человек делает историчным все, к чему прикасается его создающая рука, подчеркивает Ки-Зербо, напоминая тут же слова Марка Блока о «невольных свидетелях» исторических событий (стр. 98—99). Подлинная история немислима, например, без археологических данных, и здесь главная беда Африки — это отсутствие нужных финансовых средств для массовых и систематических археологических работ.

Другой источник, тоже дополняющий письменные материалы, но очень быстро исчезающий в наше время, — устная историческая традиция. Ки-Зербо определяет ее как «совокупность всех типов свидетельств народа о своем прошлом, передаваемых в устной форме» (стр. 100). При этом он подчеркивает необходимость именно сочетания двух элементов: самого свидетельства и его передачи. Дав такое определение, автор сразу же переходит к полемике с теми, кто сомневается в возможности исполь-

зования предания в качестве исторического источника. В конечном счете, говорит он, любое письменное свидетельство, а не одна только устная традиция выполняет в момент своего появления определенную социальную функцию в рамках породившего его общества. Возражая тем, кто ссылается на ненадежность устной формы передачи информации, поскольку смысл передаваемого по-разному может восприниматься в различных условиях (стр. 102), Ки-Зербо по существу здесь приближается вплотную к признанию классовой детерминированности любого не вещественного исторического свидетельства. Но как раз этого он и не делает, как бы старательно избегая самой такой постановки вопроса.

Можно заметить, что подобная «осторожность» характерна как для данной работы Ки-Зербо, так и для трудов многих африканских историков вообще. В итоге проблема классового характера источника, особенно ошутимая, когда исследователь имеет дело с такими развитыми в социально-экономическом отношении обществами, как скажем, ашантийское, йорубское или сонгайское, по существу, полностью отсутствует во всех материалах рецензируемой книги. Между тем, не учитывая эту сторону дела, историк может прийти к искажающим смысл источника толкованиям его содержания.

Возвращаясь к вопросу об устной форме передачи информации, нужно сказать, что система «гарантий» истинности передачи текста предания все же серьезно занимается Ки-Зербо (стр. 106—110). К таким гарантиям он относит, помимо привлечения других категорий источников (археологических, лингвистических, этнографических), в первую очередь некоторые внутренние особенности традиции, в частности наличие широкого круга лиц, заинтересованных в неискаженной ее передаче (стр. 107). Достаточно эффективным средством контроля может служить и сопоставление вариантов предания, сохраняемых в разных родственных линиях и в разных поколениях: именно это заставляет исследователя стремиться к максимально полному сбору всех вариантов предания (там же). В этой части доклада вольтийский ученый снова говорит о недопустимости противопоставления народов, располагающих письменными историческими источниками, тем, которые имеют лишь устную историческую традицию. Утверждать, что только первые достойны иметь историю, тогда как у вторых была лишь «этно-история», — значит придерживаться, по его словам, куцой и несвободной от расизма концепции (стр. 110)¹.

Заметное место в своем докладе Ки-Зербо уделит и сложному вопросу датировки устного предания. Он в общем признает, что «хронология в течение еще длительного времени останется самой трудной проблемой изучения устной традиции» (стр. 105). Однако он не соглашается с предлагавшимся в свое время М. Херсковичем делением исторических источников на «твердые», т. е. дающие нам достоверное знание, и «рыхлые», позволяющие говорить лишь о вероятностях. Обоснование такой позиции он видит в том, что представление о хронологии не чуждо африканской устной традиции. Ки-Зербо указывает, например, что учет системы возрастных классов при использовании данных предания дает в ряде случаев возможность с достаточной достоверностью восстановить хронологию событий вплоть до конца XVIII в. Характерно, что, отстаивая возможность плодотворного использования предания в качестве исторического источника, Ки-Зербо обращается к опыту советской науки, ссылаясь на выступления на VI МКАЭН (Париж, 1960) М. Г. Левина и В. К. Соколовой, продемонстрировавших, как он пишет, «важность устной традиции для истории бесписьменных народов, таких, как народы Сибири» (стр. 103).

В заключение Ки-Зербо еще раз подчеркивает необходимость комплексного подхода к изучению истории африканских обществ, использования самых различных категорий и групп источников. Сбор произведений устной традиции не может при этом рассматриваться как самоцель: речь идет, говорит он, цитируя нигерского ученого Бубу Хама, об огромной научной задаче — «объяснить нас самих и объяснить наш континент» (стр. 111). Однако здесь же, возвращаясь к проблеме хронологии, вольтийский ученый, справедливо в целом возражая против абсолютизации поиска точных дат, приходит к сомнительному релятивистскому утверждению, будто по мере ускорения исторического процесса «Вильгельм Завоеватель, битвы под Вальми, Верденом и Сталинградом все больше и больше оказываются на едином временном уровне». Бесспорно, время сглаживает остроту восприятия исторических событий. Однако именно поэтому долг историка заключается в том, чтобы сохранять и показывать последующим поколениям истинное значение событий прошлого, не допуская их «растворения» в безликой массе дат и названий.

Доклад Д. Джонса «Деление Западной Африки на регионы в целях исследований по африканской хронологии» (стр. 130—136) был посвящен итогам коллективной работы ученых разных стран, имевшей целью уточнение косвенными методами хронологии событий, упоминаемых в преданиях. Это исследование, проводившееся по инициативе Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета в 1964—1966 гг., должно было проверить возможность сколько-нибудь точных датировок по материалам генеалогических преданий различных народов. Результаты попыток

¹ Ки-Зербо имеет здесь в виду распространенное во французской науке отнесение изучения истории доклассовых обществ к сфере не исторической, а этнографической науки.

установления средней продолжительности правления, отмечал автор, не могут считаться достаточно убедительными. Например, средняя продолжительность правления по Западной Африке в целом составила 12,5 лет. Однако в более развитых политических образованиях, таких, как Бенин или Дагомея, цифра оказалась значительно более высокой — около 30 лет. Вместе с тем эта работа показала, что, хотя и нельзя полностью доверять данным о продолжительности правлений, сообщаемым в преданиях, есть много способов проверки таких сведений. В частности, наряду с сопоставлением исторических преданий сравнительно небольших общностей (племен, патрилиний и т. п.) полезные результаты может дать и сравнение таких преданий с преданиями соседних крупных этнических общностей, таких, например, как хауса или ашанти. Видимо, к достаточно интересным результатам приведет и предложенное видным историком-африканистом Н. Левционом изучение генеалогий царич-матерей в обществах с матрилинейным наследованием власти.

Не менее важным итогом этой работы стало то, что на основе полученных и изложенных в докладе Д. Джонса данных была разработана та схема регионализации Западной Африки и определена та последовательность объектов исследования, которые вошли в рекомендации совещания в Уагадугу. При этом, как видно из доклада, определяя примерные границы регионов, участники международного исследования старались установить их на том географическом пределе, до которого распространялись представления изучаемого этноса об окружающем мире и населяющих его народах.

Детальный согласованный план региональных исследований, построенный на основе доклада Джонса, вместе с информационными разделами о межафриканском сотрудничестве и о сотрудничестве между африканскими научными учреждениями и ЮНЕСКО составил третью главу книги — «Проблема сотрудничества» (стр. 81—94). План включает 12 проектов работ по изучению исторических преданий отдельных народов или групп народов, например фульбе, моси-дагомба, эве-аджа-йоруба-фон, западных акан. Часть проектов относится не столько к этническим общностям, сколько к тем или иным субрегионам, характеризующимся определенным культурно-историческим единством. Так обстоит дело с «Проектом Организации государств долины реки Сенегал», охватывающим территорию Гвинеи, Мали, Мавритании и Сенегала, или с «Проектом Боргу», включающим пространство древней исторической области на стыке границ Дагомеи, Нигера и Нигерии. Все они объединены в две группы: одна — для зоны саванны (8 проектов), другая — для зоны тропического леса и Гвинейского побережья (4 проекта). В плане ясно определены темы, которые должны пользоваться беспоспорным приоритетом: торговые пути, связывавшие в доколониальное время саванну и лесную зону; группы кузнецов и рыбаков в долине Нигера; религиозные движения в бассейне этой реки (стр. 87). Такое определение приоритетов вполне обосновано и логично: как раз традиционные формы и пути экономических связей и положение замкнутых профессиональных групп (обычно определяемых как кастовые, хотя это и не всегда точно) в наибольшей степени подвержены быстрому разрушению в ходе модернизации социально-экономических структур в независимых странах Африканского континента. Изучение же религиозных движений практически означает изучение распространения ислама; это весьма важно, если учитывать, что последний зачастую выступал как идеология антиколониальной борьбы.

Характерно, что все проекты могут осуществляться лишь совместными усилиями двух или более стран региона, причем такая направленность свойственна не только региональному плану работ, выработанному совещанием в Уагадугу. Идеи межафриканского и международного сотрудничества исследователей, комплексного подхода к изучению исторических преданий, недопустимости ограничения работ только их сбором и исследованием буквально пронизывают всю книгу. Это неудивительно. Ознакомление с информационными докладами авторитетных специалистов, представивших научные учреждения восьми стран — Камеруна, Дагомеи, Ганы, Верхней Вольты, Мали, Нигера, Нигерии и Того, сразу же обнаруживает, что исследования, проводившиеся до совещания, осуществлялись по разным методикам и поэтому не всегда могли дать сравнимые результаты. Если, скажем, сравнивать программы, которыми руководствовались в Гане, Верхней Вольте и Нигере, то оказывается, что в первом случае главное внимание было уделено изучению общего социально-экономического и политического облика исследованного общества, тогда как интерес составителей вольтийской и нигерской программ концентрировался в основном на миграциях, на истории заселения тех или иных местностей и создания поселений. К тому же исследования в границах одной страны не могут дать достаточно полной картины положения дел и в силу хорошо известного факта разделения этими границами некогда единых этнических общностей. Обобщая смысл докладов, составивших вторую главу книги, «Исследования устной традиции» (стр. 39—79)², редактор издания с полным основанием делает в заключительном параграфе вывод о невозможности продолжения работ по изучению устных преданий народов западноафриканского региона без действенного и систематического сотрудничества ученых всех его государств (стр. 76—78).

В книге отсутствует — и это, как мне представляется, совершенно правильно — жесткая граница между информационной и методико-теоретической частями. Напри-

² В числе их авторов были такие широко известные исследователи, как А. Аджайи, Дж. Нкетия, Ф. Н. Агблеманьон, Ж. Руш, М. Изар.

мер, первая глава, «Принципы сбора и изучения» (стр. 17—38), формально посвящена изложению итогов ниамейского совещания экспертов 1967 г. Но самые рекомендации совещания содержат обширный материал чисто методического характера. Сюда относятся, скажем, такие вопросы, как определение предмета исследования и типологии устной исторической традиции (стр. 18—22) или взаимоотношение собственно сбора исторических преданий и изучения их (т. е. работы по сути своей прежде всего фольклористической) с исследованиями в области смежных дисциплин — лингвистики, этнографии, археологии, музыковедения (стр. 34—38). Отрадно отметить реалистический и деловой подход участников совещания к, казалось бы, «чисто технической» стороне проблемы: в Ниамее огромное внимание было уделено материально-техническому обеспечению работ и подготовке местных кадров, необходимых для использования современных технических средств при фиксации устного материала (стр. 26—33).

Сочетанием информационного и методического материала интересны и доклады, вошедшие во вторую часть четвертой главы. На первое место среди них следует, видимо, поставить исследование нигерийского историка Э. Алагоа «Песнь как источник исторической информации» (стр. 176—188), где рассматриваются как общие вопросы методики использования данного вида устных источников, так и отражение в песнях исторических событий, происходивших в одном из княжеств народа иджо в дельте Нигера. В работе упоминавшегося уже ученого Бубу Хама «Традиционная история фульбе Даллоль Бобойе» (стр. 150—175) привлекают внимание прежде всего два обстоятельства: во-первых, приводимый текст предания, в свое время записанный самими его хранителями, воспроизводится информатором по памяти на основании этой записи, единственный экземпляр которой погиб во время пожара уже после второй мировой войны; во-вторых, наряду с изложением предания и его интерпретацией исследователь приводит два варианта одного из отрывков, представляющих соответственно фульбскую и сонгайскую версии предания, что делает возможной их перекрестную проверку. Наконец, работа западногерманского африканиста Ю. Цвернемана «Основание По: опыт истолкования преданий одного из городов народа касена» (стр. 138—149) демонстрирует возможности успешного восстановления на основе устной исторической традиции картины миграций населения в пограничных с Ганой областях Верхней Вольты. Эти три доклада убедительно показывают как сравнительно широкие возможности извлечения исторической информации из предания, так и слабые стороны этой информации, в первую очередь, конечно, отсутствие устойчивой и надежной хронологии.

Завершая обзор, можно сказать, что, ознакомившись с книгой «Устная традиция. Проблематика и методология источников по африканской истории», читатель получит достаточно полное представление о современном состоянии работ по сбору и изучению исторических преданий народов Западной Африки, об общей перспективе дальнейшего развертывания этих работ и о том, как эта перспектива оценивается видными представителями мировой африканистики. В книге рассмотрены основные аспекты важной и очень сложной проблемы, проанализирован огромный фактический материал. В итоге те, кто занимается историей народов Африканского континента, получили в высшей степени полезный обобщающий труд, причем, что особенно ценно, обращенный главным образом в будущее, к предстоящим исследованиям.

Л. Е. Куббель